
УДК 27-47 + 316.3(470)

Марина Нечаева

**ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ
И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.¹**

Marina Nechaeva

**ORTHODOX SOCIAL INSTITUTIONS
AND RUSSIAN CIVIL SOCIETY
AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY**

The article explores the peculiarities of creation and function of Russian Orthodox social institutions of the second half of the 19th – early 20th centuries in the relation to church reforms that were part of the modernization social life process. The author’s research focuses on whether it is possible to consider organizations created “from above” civil social institutions, and refers to the all-Russian, regional and local organizations. The author analyzes the correspondence and interaction of initiatives put forward by the authorities and the public during the establishment of the aforementioned organizations, as well as whether the regional peculiarities were taken into consideration during the process, as well as the public’s reaction to their activity. Using the historical-typological, structural-functional, and comparative approaches, the author concludes that church organizations should be regarded more as a means of learning the fundamentals of civil values and social initiative than as established social institutions as such.

Keywords: religious social institutions; history of the Orthodox Church; civil society; history of imperial Russia.

Рассматриваются особенности создания и функционирования российских православных общественных организаций второй половины XIX – начала XX в. в контексте церковных реформ, происходивших в русле модернизации общественной жизни. Основная научная проблема – можно ли считать создаваемые «сверху» организации институтом гражданского общества – изучается на материалах всероссийских, региональных и местных организаций. Анализируются соотношение и взаимодействие власт-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

ных и общественных инициатив в процессе становления и развития этих организаций, учет региональной специфики, общественные отзывы о их деятельности. На основе применения историко-типологического, структурно-функционального, сравнительно-исторического подходов автор приходит к выводу, что существовавшие православные общественные организации целесообразно оценивать скорее как «школу гражданственности и общественной инициативы», чем как сложившиеся общественные организации в классическом понимании этого термина.

Ключевые слова: религиозные общественные организации, история православной церкви, церковь и государство, гражданское общество, история императорской России.

Одним из элементов гражданского общества считается сеть общественных организаций, рассматриваемых как проявление общественной инициативы, гражданской позиции, сознательной самоорганизации местных сообществ. В России, где многие институты гражданского общества формировались «по инициативе сверху», практика функционирования таких организаций зачастую сочетала бюрократические и самодеятельные элементы, поэтому нередко возникают определенные сомнения в том, могут ли эти организации считаться «общественными» в полном значении этого слова. Когда речь заходит о религиозных общественных организациях², действовавших по благословию иереев, всегда включавших в свои ряды представителей духовенства, вопрос о степени их «общественности» и инициативности становится еще более сложным.

В конце XIX – начале XX в. уже существовала целая сеть православных организаций, функционировавших как во всероссийском масштабе, так и в региональном и локальном. К числу всероссийских православных организаций относятся Православное Миссионерское общество и Православное Палестинское общество. Обе организации придавали большое значение открытию своих епархиальных отделов.

Существовал значительный спектр и региональных (епархиальных) православных общественных организаций: общества хоругвеносцев, церковно-археологические общества, братства. Но шире всего была представлена сеть локальных (приходских) организаций, тесно сочетавших задачи социальные и сугубо религиозные: церковно-приходские попечительства, приходские общества трезвости, общества ревнителей православия.

---

² На этапах исторического развития, для которых был характерен тесный симбиоз между властными и церковными структурами, когда некоторые религии имели статус государственных, т. е. когда секуляризация общественной жизни еще отсутствовала или находилась в начальной степени развития, на наш взгляд, не следует причислять к религиозным общественным организациям сами церкви, которые, как известно, на современном этапе общественного развития также считаются «общественными организациями». Для таких, менее секуляризованных этапов логичнее подразумевать под «религиозными общественными организациями» те, которые не входили в иерархическую структуру церкви, но формулировали свои задачи как религиозные.

Инициаторами открытия всероссийских православных общественных организаций преимущественно были высокопоставленные лица, изначально мыслившие новые организации как всеобщие.

Председателем и вдохновителем создания Православного Миссионерского общества был «русский апостол Америки» святитель митрополит Иннокентий (Вениаминов), считавший, что миссия должна быть общим делом «всех православных империи». Митрополит Иннокентий полагал, что такое общество должно состоять под покровительством государства, и Миссионерское общество имело высочайшей покровительницей императрицу Марию Александровну. Декларировались в качестве принципов православного миссионерства любовь к ближнему, терпимость, отказ от всех форм национализма и насилия [Курляндский].

Православное Палестинское общество было прежде всего детищем Василия Николаевича Хитрово, высокопоставленного государственного деятеля, который после своего паломничества в Иерусалим в 1871 г., познакомившись с состоянием дел русской миссии в Палестине, с деятельностью Палестинской комиссии, пришел к мысли о необходимости создания совершенно иного типа организации – «частной», неправительственной и лишенной бюрократического начала, которая объединяла бы истинных почитателей святых мест. Даже его единомышленники – начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), архимандрит Леонид (Кавелин), прежде также работавший в этой миссии, обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев и др. – относились к мысли о создании общественной организации с большой долей скепсиса, но В. Н. Хитрово продолжал отстаивать идею именно такой организации, в которой он видел альтернативу бюрократизму существовавшей Палестинской комиссии [Дмитриевский, с. 121–195].

Церковь-школа, построенная
Екатеринбургским братством

Однако Василия Николаевича иногда обуревали грустные сомнения в успешности мероприятия, причина которых крылась в той общественной апатии, о которой его предупреждали сочувствовавшие идее Общества лица. Так, в письме к архимандриту Леониду от 13 января 1880 г. Хитрово признавался: «Правда, бьешься, из себя выходишь, суетишься *среди всеобщей апатии* и иногда, ох, как часто, руки опускаются, овладевает не скажу отчаяние, а просто сознание своего бессилия» [Там же, с. 135–136]. С появлением

высокого покровителя Общества в лице великого князя Сергея Александровича, совершившего в 1881 г. поездку по Святой земле, планы В. Н. Хитрово получили реальное воплощение, и в 1882 г. Палестинское общество было создано, его председателем стал князь Сергей, сам же В. Н. Хитрово был избран его почетным членом и помощником председателя, а затем стал секретарем Общества.

Отзывы В. Н. Хитрово об «апатии» и «безмолвии» весьма показательны для характеристики общественного настроения того времени. Создаваемые православные организации не столько воплощали в жизнь общественные стремления, сколько пробуждали, формировали их, будучи поначалу инициативой немногих. Первые годы существования Палестинского общества продемонстрировали сочувствие его идеям значительно большего круга общественности, чем изначально предполагалось: уже в 1883 г. было пересмотрено возможное количество почетных членов с 50 до 100, поскольку предписанная уставом планка в 50 человек оказалась достигнута [см.: Отчет Православного... за 1882–1883 год, с. 35]. К 1885 г. в Палестинском обществе уже состояло 615 членов, а Советом был поставлен вопрос об увеличении лимита действительных членов до 300, прежняя планка (200 человек) была преодолена [см.: Отчет Православного... за 1884–1885 год, с. 50–51].

Вместе с тем в условиях активного пополнения Палестинского общества активисты предчувствовали скорое замедление его темпов, чем и было обусловлено стремление создать определенную «сеть агентов» Общества по всей стране. Сначала такими «агентами» стали своего рода уполномоченные, появившиеся в разных городах и при некоторых монастырях России, а затем были созданы епархиальные отделы Общества, правила для которых были утверждены 2 марта 1885 г.

Первый отдел Палестинского общества возник в Якутской епархии (21 марта 1893 г.) – и это была всецело заслуга епископа Якутского и Вилюйского Мелетия (Якимова), который впоследствии открыл еще и отдел в Рязани. Столь же последовательно служил целям Палестинского общества и Владыка Феогност (Лебедев), открывший отделы в Новгороде и Киеве [см.: Деятельность... в 1902/3 году, с. 1–2]. В некоторых регионах значимой оказывалась роль светской власти. Например, Калужский отдел открылся «по инициативе и приглашению» уполномоченного Общества вице-губернатора А. А. Офросимова при поддержке других членов Общества и епископа Калужского и Боровского Александра [см.: Деятельность... в 1902/3 году, с. 165], Тифлисского отдела [см.: Сообщения, т. 21, с. 457].

Но первейшее значение имела инициатива руководства Общества, что подчеркивалось в отчетах: «...ни разу не были потеряны подходящие минута или условие. Совет был всегда настороже и всегда наготове» [Сообщения, т. 13, с. 84].

Императорское Православное Палестинское общество (ИППО) было «Императорским» не только по названию, но и по роли в нем представителей царствующего дома Романовых. Открытие епархиаль-

ных отделов сделалось массовым после того, как с конца 1893 г. князь Сергей стал рассылать свои рескрипты на имя правящих архиереев с предложением открыть местные отделы.

Православные братства имели давние традиции существования. Первые такие организации появились еще в XVI в. на Украине и в Белоруссии. С 60-х гг. XIX в. количество братств в Российской империи стало расти. Но если раньше инициатива их создания исходила от клира и прихожан отдельных храмов и сами братства носили приходской характер, то теперь братства создавались в русле проведения церковной политики российского правительства и инициализировались обычно правящими архиереями. Каждое братство имело свой устав, основу которого составляли типовые «Основные правила для учреждения православных церковных братств», опубликованные в 1864 г., проект которых был составлен министром внутренних дел П. А. Валуевым. Особенно активно создание братств пропагандировалось Синодом в 1880-е гг.

Зачастую инициатива создания епархиального братства исходила от правящего архиерея, стремившегося в такой форме аккумулировать дополнительные ресурсы для решения задач епархиального управления в деле миссионерства и христианского просвещения. Бывали случаи адаптации уже сложившихся организаций в епархиальные братства. Таким образом было создано в 1882 г. Пермское епархиальное братство святителя Стефана.

В связи с юбилеем деятельности Стефана Пермского 12 ноября 1879 г. протоиерей Евгений Попов выступил с инициативой строительства в городе часовни во имя святителя Стефана. Живая поддержка этого проекта жителями натолкнула Е. Попова на мысль о создании при часовне религиозно-общественной организации, цель которой виделась в заботе о народной нравственности. Замысел Е. Попова получил благословение епископа Пермского Вассиана. 19 сентября 1881 г. архиерей одобрил создание Совета духовных чтений, председателем которого был избран Е. Попов. Местом чтений определили Воскресенскую церковь, в которой чтения должны были проводиться в каждое воскресенье и двенадцатые праздники поочередно членами организации, причем было признано «возможным и полезным принять участниками чтений и светских лиц, но только с богословским образованием, и не в церкви и единично, а собственно в артельных квартирах рабочего класса и в присутствии одного из членов Совета священнослужителей». Была отмечена необходимость открытия читальни при будущей часовне и желательность «изустных бесед и увещаний к рабочему классу» [Нечаева, 2008, с. 69–79; Казакова-Апкаримова, с. 240–242].

1 августа 1882 г. на основе этого Совета было открыто Общество св. Стефана, епископа Пермского, с целью содействия «распространению в народе Пермской епархии религиозного просвещения и возвышению в нем христианской нравственности». Епископ Пермский Ефрем, заступив на кафедру (1883), утвердил новый устав Общества

(1888), общество получило название Братства и его цели были расширены: теперь это было не только содействие распространению христианской нравственности, но и «содействие к ослаблению раскола и к обращению в недра православия отпадших от Св. Церкви чад ее, а вместе с тем к предохранению православных от соращения в раскол и от привязанности к обрядам и обычаям, содержащим старообрядцами». Таким образом, устав Братства стал отражать местную специфику религиозной жизни и сама организация получила миссионерскую направленность.

Однако год спустя в русле политики массового открытия церковно-приходских школ силы Общества, как кадровые, так и материальные, оказались направлены в большей степени на просветительские цели, а сама структура организации приобрела более официальный характер. 31 декабря 1889 г. был принят новый устав, снова корректировавший задачи Братства. Согласно ему перед Братством ставились четыре основные цели: заведывание церковно-приходскими школами; содействие духовенству в проведении внебогослужебных собеседований и открытие церковных библиотек и книжных складов; содействие духовенству в организации церковного пения в сельских храмах; «руководство делами противораскольнической миссии в пределах епархии, заведение главной центральной миссионерской библиотеки и содержание своих миссионеров из начетчиков, обратившихся из раскола» [Братство св. Стефана].

Таким образом, по мере превращения организации из приходского общества в епархиальное братство задачи религиозно-просветительские и нравственно-воспитательные (в форме бесед) трансформировались в руководство церковно-приходскими школами и противораскольнической миссией, организацию библиотек и книжных складов, организацию церковного пения – задачи епархиального управления, на фоне которых внебогослужебные собеседования стали отходить на второй план, хотя форма братства как общественной организации помогала привлекать к их решению не только духовенство, но и мирян.

Это было актуально и в деле организации церковно-приходских школ, и в деле миссии, особенно противораскольнической. В Екатеринбургском братстве св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца, например, существовали так называемые миссионеры-сотрудники – приглашенные Братством «лица из народа», в значительной степени бывшие старообрядцы, принявшие православие. Среди таких миссионеров были купцы, чиновники, учителя, одним из миссионеров-сотрудников даже была женщина. Добровольные миссионеры либо просто помогали противораскольническим комитетам проводить собеседования, либо сами, помимо комитета, проводили такие беседы, правда под наблюдением священника. В 1901–1902 гг., например, в Екатеринбургской епархии сотрудников-миссионеров было 31 человек [ЕЕВ, 1903, № 1–2, с. 32].

Понимая, что человек, вышедший из старообрядчества, лишался поддержки своих бывших единоверцев, Екатеринбургское братство в случае нужды оказывало материальную помощь возвратившимся в лоно официального православия. В апреле 1901 г. был учрежден «миссионерский фонд». Начало ему было положено суммой 1 000 руб., выделенной Съездом духовенства в 1900 г. В дальнейшем эта сумма пополнилась пожертвованиями, и к концу 1911 г. капитал достиг 5 484 руб. 98 коп. [ЕЕВ, 1912, с. 18–19].

Другой типичной формой епархиальных общественных организаций были общества хоругвеносцев. Открывая такое в Перми 18 марта 1907 г., епископ Никанор собрал церковных старост всех храмов в количестве около 20 человек и предложил им учредить «по примеру г. Москвы, Н.-Новгорода и некоторых других епархиальных городов России» общество хоругвеносцев, главная цель которого состояла бы «в непосредственном участии членов этого Общества в ношении хоругвей и икон во время крестных ходов». В речи епископа Никанора необходимость открытия общества обосновывалась особо благотворным, духовно-очищающим влиянием крестных ходов, каждый из которых «единством веры и любви сплачивает, примиряет и объединяет членов Православной Церкви в одну церковно-общественную семью». Хотя организационное собрание было устроено по приглашениям от епископа Никанора, инициатива создания общества, по словам епископа, исходила не от него, а от «одного из иногородних членов Общества Хоругвеносцев (здешнего деятеля)», имя которого епископ не назвал [ПЕВ, 1907, с. 179–181].

Более выраженной была инициатива общественности при создании епархиальных церковно-археологических обществ. Мысль о создании такого общества возникала обычно в ходе обсуждения вопроса о сохранении памятников церковной старины и об устройении особого церковно-археологического музея.

В Пермской епархии, например, такая идея впервые была высказана в печати членом Пермской ученой архивной комиссии преподавателем Д. Скрынченко. В 1902 г. он побывал на XII Археологическом съезде в г. Харькове, где участвовал в работе церковного отдела, и по возвращении поделился с читателями епархиальной газеты мыслями, «навевными» съездом: «Не пора ли и духовенству Пермской епархии заняться собиранием и изучением церковных памятников своего края. Ведь если кому-либо, то именно прежде всего духовенству надлежит исполнить эту задачу. Церковные памятники – не только показатель религиозной жизни прошлого известной местности, но и богатая, наглядная церковно-историческая школа... Вот почему мы позволим себе высказать пожелание, чтобы духовенство Пермской епархии позаботилось об устройстве *церковно-археологического музея при семинарии*».

В ходе обсуждения заметки была высказана идея составления программы собирания и изучения церковной старины, которая стала бы руководством к действию для желающих поучаствовать в этом

деле. За основу был взят аналог, разработанный Харьковским предварительным комитетом по устройству XII Археологического съезда [ПЕВ, 1902, с. 500, 537–541]. Публикация этой программы в 1902 г. имела большое значение, поскольку дала руководство к действию для всех любителей церковной старины на ближайшие годы. Открытие же музея и комитета затянулось на несколько лет, и только 17 октября 1912 г. состоялось открытие Пермского епархиального церковно-археологического общества.

Локальные религиозные организации также были достаточно типичны для всех епархий России. Их создание активно пропагандировалось церковной прессой, а сами организации считались одним из средств реформирования церкви.

2 августа 1864 г. император Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». Для попечительства устанавливались три направления деятельности: благоустройство и благосостояние храма и причта; начальное обучение детей; социальная благотворительность в рамках прихода [Римский, с. 340–350]. Главной заботой попечительств должно было быть «изыскание средств» на эти цели. В 1903 г. деятельность попечительств привлекла внимание императора Николая II, после чего епархиальные архиереи издали указы, предписывавшие открыть попечительства во всех приходах [ЕЕВ, 1903, № 6, с. 120–125]. Основная инициатива по созданию таких организаций обычно исходила от приходского духовенства, но динамика возникновения во многом показывала наличие активистов на местах.

В конце XIX – начале XX в. в приходах стали создаваться общества ревнителей православия. В это же время весьма активно пропагандировалось церковной прессой создание приходских обществ трезвости, инициаторами открытия которых также были приходские священники.

Создавая ту или иную религиозную общественную организацию, их задумывали прежде всего как форму единения мирян и духовенства. Даже в одной и той же всероссийской организации местные комитеты могли задавать различные линии формирования членского состава и руководящих советов. Например, в двух соседних епархиях – Екатеринбургской и Пермской – на стадии формирования местных отделений Миссионерского общества уже имелись различия. Членами созданного в 1872 г. Пермского совета Миссионерского общества стали два протоиерея г. Перми – А. М. Луканин и Е. А. Попов, уже хорошо известные своей проповеднической деятельностью, а также светские лица, имевшие репутацию благотворителей и активных общественных деятелей: коллежский советник П. Д. Дягилев, коллежский асессор В. В. Болотов, городской голова, купец и потомственный почетный гражданин И. И. Любимов, купцы 1-й гильдии Ф. К. и Г. К. Каменские и А. П. Кропачев. Казначеем комитета был избран управляющий Пермской почтовой конторой коллежский асессор Д. О. Гавриленко [ПЕВ, 1872, № 52, с. 516–517]. Пожертвования на Миссионерское общество при открытии комитета сделали 83 человека,

из них 53 – светские лица, 1 архиепископ, 7 протоиереев, 15 священников, 3 диакона, 1 псаломщик, 3 иеромонаха [ПЕВ, 1872, № 49, с. 599–600]. В Екатеринбурге при создании епархиального отделения в 1886 г. поначалу избрали двух товарищей председателя – А. Г. Бутакова и Н. А. Клепинина. В Совет было избрано восемь членов – четверо купцов, являвшихся церковными старостами (Я. И. Панфилов, Я. Е. Ключин, Е. М. Ошурков, А. А. Волков) и четверо священников (Игнатий Левитский, Василий Луканин, Роман Новоспасский, Петр Кротков). Казначеем комитета был избран В. И. Логинов, купец и староста Екатеринбургской Знаменской церкви [ЕЕВ, 1886, с. 866].

Легко заметить, что первоначальный состав Совета Общества в Перми был более светским, тогда как в Екатеринбурге стремились соблюсти паритет между духовенством и мирянами. Некоторую разницу в принципах формирования епархиальных советов Миссионерского общества можно наблюдать и позднее. Так, в 1902 г. в Пермском совете товарищем председателя было лицо светское – губернатор генерал-лейтенант Д. Г. Арсеньев, из мирян в Совет входили: директор народных училищ действительный статский советник А. П. Раменский, потомственные почетные граждане А. П. Кропачев, В. И. Шайдуров, А. Г. Каменский, купцы П. П. Елтышев и П. И. Мартынов; из духовенства: ректор духовной семинарии протоиерей К. М. Добронравов, протоиереи А. А. Воскресенский, А. А. Никитин, И. А. Будрин, священник Н. И. Пономарев, казначеем состоял протоиерей Е. М. Кудрявцев. В Екатеринбургском совете в 1902 г. было два товарища председателя – кафедральный протоиерей Н. М. Кибардин и председатель уездной земской управы статский советник Н. А. Клепинин. Совет состоял из духовенства и служителей епархиального ведомства: протоиереи И. Д. Знаменский, В. С. Луканин (он же казначей комитета) и Н. А. Диомидовский, священники А. П. Антонинов и Ф. М. Баженов, преподаватель духовного училища В. И. Лазарев, преподаватель епархиального училища В. А. Казанский, епархиальный миссионер А. И. Обтемпранский, делопроизводитель – секретарь консистории С. Г. Павловский [ЕЕВ, 1903, № 12, с. 291–292; ПЕВ, 1903, № 33, с. 357–358].

В численности и социальном составе этих комитетов также имеются различия. В Пермском комитете в 1902 г. состояло 103 человека, из которых 67 (65 %) – лица духовного звания. Были случаи коллективного членства, уставом непредусмотренного: например, среди действительных членов в 1902 г. указаны причты пяти церквей Красноуфимского уезда и братья Соликамского Свято-Троицкого монастыря. Состав Екатеринбургского комитета в том же году был почти в три раза больше – 285 человек, из которых 246 человек (86,3 % – больше, чем по Пермскому комитету) являлись представителями духовенства [ПЕВ, 1903, № 39, с. 459–460; ЕЕВ, 1903, № 12, с. 311–315].
Случаев коллективного членства не было.

Местные комитеты имели свою «кадровую политику», отражавшую их взгляды на предназначение организации. Но было и общее: с момента создания местных комитетов в них неизменно нарастал и превалировал процент духовенства в числе членов. Эта тенденция была характерна и для других епархиальных комитетов Миссионерского общества, варьировались только процентные показатели³.

Такую же тенденцию показывало Палестинское общество. В конце 1882/83 г. в нем состояло 405 членов, из них только 103 (25 %) из духовного звания [Отчет Православного... за 1882–1883 год, с. 69]. К 1 июня 1885 г. из 646 членов только 164 (тоже 25 %) были из числа духовенства. Больше половины светских членов проживали в Санкт-Петербурге (174 человека) и Москве (75 человек). К середине 1885 г. светских членов Общества не было только в шести губерниях (из тех территорий, где вообще существовали члены Общества), а из духовного звания отсутствовали в десяти. В 25 губерниях среди членов Палестинского общества не было епископата, в 41 – монашествующих, в 28 – приходского духовенства [Отчет Православного... за 1884–1885 год, с. 87–114].

С созданием местных отделов картина стала меняться. Поскольку возглавлять отделы должны были местные архиереи, епископат стал активнее пополнять ряды членов Общества не только своими персонами, но и подведомственным им духовенством (в основном приходским). По статистике Совета ИППО в 1901/02 г., например, из числа 526 вновь вступивших членов 276 были из духовного звания (52 %) [Сообщения, т. 13, прил. 1, с. 15–16]. Постепенное увеличение числа духовенства в рядах ИППО можно наблюдать в истории практически всех отделов, хотя динамика была разная. Например, в Екатеринбургском отделе, организованном в 1894 г., к концу первого года существования из 94 членов 39 (41 %) были представителями духовенства, еще 55 (59 %) – мирянами (24 купца, 21 представитель местного чиновничества и интеллигенции, 10 крестьян). В 1901/02 г. из 248 членов духовенство составляло 76 %, причем львиная доля приходилась именно на приходское (177 человек). Монашествующих было только пять. Из мирян больше всего было представлено купечество (32 человека), имелись представители крестьянства (7 человек), мещанства (4 человека) [ЕЕВ, 1896, с. 455, 458–464; ЕЕВ, 1903, № 3, с. 38–52]. В соседнем Пермском отделе, значительно меньшем по количеству членов (на 1902/03 г. – 46 человек), 51 % составляли представители духовенства (правлящий архиерей, игуменья Руффина и 21 священник). Из мирян больше всего было представлено купечество (14 человек), имелись также мещане, крестьяне и др. [ПЕВ, 1903, № 40, с. 484–485; ПЕВ, 1903, № 41, с. 484–485].

---

³ Например, в том же 1902 г. Оренбургский комитет состоял из 138 членов, из них представителей духовенства – 101 человек (72,3 %). В соседней Уфимской епархии комитет Миссионерского общества был самым многочисленным на Урале: в 1902 г. в нем состояло более 500 человек, из них подавляющее большинство (около 92 %) составляли представители духовенства [ОЕВ; УЕВ].

Постепенное изменение социального состава этих общероссийских организаций в сторону повышения процента духовенства отражало реалии общественного сознания: временный всплеск интереса к новым организациям, сопровождавшийся активным ростом числа членов в первые годы, сменялся спадом, обусловленным многими причинами, в числе которых и существовавшая конкуренция между различными общественными организациями, и уровень благосостояния населения России, менявшийся в зависимости от стадии экономического роста/упадка страны в целом, и даже фактор неурожайных лет. Испытывая проблемы не только с пополнением, но и просто поддержанием на прежнем уровне членского состава местных отделов, правящие архиереи – неперемненные председатели местных комитетов этих организаций – пытались задействовать «административный ресурс» и влиять на более подконтрольное им духовенство. Участие большинства членов местных комитетов обществ в их деятельности сводилось к уплате членских взносов, внесение которых для духовенства становилось полупринудительным.

Епархиальные братства, создававшиеся по инициативе правящих архиереев, с самого начала в значительной степени были ориентированы на духовенство, поскольку дела миссии и религиозного просвещения являлись логичным продолжением их прямых профессиональных обязанностей. В уставе Екатеринбургского братства 1886 г., например, значилось: «Желательно, чтобы все состоящие на службе священнослужители, как преемники апостольского служения, были членами Братства». В 1902 г. 86,7 % членов Братства Симеона Верхотурского были представителями духовенства или епархиальными чиновниками [ЕЕВ, 1903, № 8–9, с. 209–211; ЕЕВ, 1903, № 10, с. 250–256].

Такие организации, как общества хоругвеносцев и в еще большей степени церковно-археологические общества, были менее обязательны и менее распространены в епархиях, и эта «факультативность» позволяла формировать их состав на более добровольной основе.

Главной задачей создания общественных организаций приходского уровня была активизация общинных начал религиозной жизни, христианская благотворительность, поэтому успех их деятельности зависел от того, как священнику и церковному старосте удавалось организовать активистов из числа мирян [Римский, с. 349–351]. Некоторые из таких приходских организаций по численности членов намного превосходили даже епархиальные, например, в Нижне-Тагильском братстве Св. Животворящего Креста Господня при Выходо-Иерусалимском соборе к 1908 г. было более 800 членов, а в епархиальном Екатеринбургском братстве в это время – только 263 [Нечаев, с. 77].

В целом в реалиях развития общественного сознания и общественной деятельности России конца XIX – начала XX в. членство в религиозных общественных организациях в большей степени было добровольным для мирян и в меньшей – для духовенства, для которого это скорее являлось продолжением обязанностей пастырского служения, к которому активно побуждали епархиальные власти.

Духовенство вполне благожелательно относилось к целям и задачам религиозных организаций, готово было способствовать им сколько возможно своими трудами, однако необходимость уплаты при этом еще и членских взносов могла оказаться для них в тягость. Многие из них выбирали такую форму членства, которая предусматривала не слишком высокий взнос, – членом-сотрудником или действительным членом. Но при этом им хотелось, чтобы их труды на поприще миссионерства и религиозного просветительства были отмечены со стороны организаций почетными знаками, которые в основном выдавались за единовременные крупные взносы.

Священник с. Ольховатка Екатеринославской губ. Александр Миросниченко в 1914 г., например, так сформулировал в письме секретарю Совета Палестинского общества эти настроения: «Из разговоров со священнослужителями выяснилось, что многие не прочь попасть в члены О[бщест]ва и сделать соответствующие взносы... Может, есть какие-нибудь льготы для свящ[енников], побывавших во Св[ятой] Земле со своими прихожанами? Да вообще для свящ[енников] должны быть какие-нибудь льготы: все они должны, по идее, быть членами О[бщест]ва, причем ежегодные взносы должны давать право на ношение знака. Тогда число членов О[бщест]ва значительно возросло бы» [АВПРИ, оп. 7, д. 52, л. 281–281 об.].

Надо признать, что в мотивации членства в религиозных общественных организациях (как, впрочем, и в нерелигиозных) значительное место занимали честолюбие и любовь к почетным знакам, ничего общего не имевшие с гражданской позицией. Получение почетного знака от общественной организации было немаловажным стимулом к участию в ней. И это желание проявляли и духовенство, и миряне, причем всех сословий⁴.

Религиозные организации, несомненно, знали и об этой мотивации, но старались «держат марку» и не потакать ей. Например, Совет ИППО получал «отклики с мест» и от лиц, только желавших вступить в организацию, и от многолетних ее членов, предлагавших смягчить условия получения почетного знака и сделать его более привлекательным внешне, однако не пошел на коренные перемены, согласившись только на выдачу почетных знаков как за крупные единовременные взносы, так и за внесение такой же суммы несколькими порциями [Сообщения, т. 17, с. 116–117].

Общественные организации использовали свои почетные знаки и для награждения активистов, особо отличившихся своей религиозно-просветительской деятельностью. Этот человеческий «золотой фонд» имела каждая организация, и хотя численность его была не очень велика, но именно он являл пример сознательной гражданской позиции и привлекал на мероприятия и в ряды организаций представителей различных кругов российского общества.

---

⁴ См. примеры такой мотивации: [Нечаева, 2011].

Каждая организация действовала в рамках того круга задач, которые были сформулированы в ее уставе. Всероссийские организации устанавливали направления работы для всех епархиальных отделений и старались обеспечить их необходимыми пособиями. Особо четко это проявилось в деятельности Палестинского общества, Совет которого многократно подчеркивал, что палестинские чтения на местах должны проводиться по утвержденной Обществом программе и по издаваемым им брошюрам, а также стремился обеспечить отделы наглядными материалами («волшебными фонарями» и световыми картинами).

Первые чтения были проведены еще в 1895 г. и с того времени распространялись все шире. К 1901–1902 гг. Совет уже весьма позитивно оценивал текущее положение дел: «Введенные, в виде опыта, сначала в губернских городах, чтения скоро привились в уездных городах, посадах, заводах и селах, а затем стали постепенно проникать и в малонаселенные деревни, хутора и поселки... За последние два-три года, не говоря уже о 50–100 слушателях, собирающихся одновременно на чтение, даже упоминание в отчетах о 200 слушателях теперь довольно обычное явление и не только для городов, но и для сел... Полагаем, что мы будем близки к истине, если за отчетный год общее число слушателей чтений во всех отделах определим в 5 000 000» [Деятельность... в 1901/2 году, с. 98–101]. Из «рекордсменов» были названы городские церкви в Ромнах и Полтаве (Полтавской губ.) – до 2 000 и 2 500 слушателей, храмы в селах Татарбунары (Кишиневской губ.) и Песчанка (Подольской губ.) – до 1 500 слушателей, железнодорожные мастерские на ст. Одесса-Товарная – до 4 000 слушателей одновременно. В некоторых регионах чтения велись на национальных языках (например, в Одесском и Кишиневском отделах – на молдавском языке, в Казанском – на татарском, черемисском и удмуртском).

Устроителями чтений чаще всего выступали священнослужители, за ними шли «лица педагогического персонала», в значительно меньшем количестве – монашествующие, воинские и земские начальники, судебные приставы, землемеры, мировые судьи, ветеринарные фельдшеры, офицеры, частные поверенные, врачи, судебные следователи, служащие в конторах, студенты университетов, воспитанники семинарий. Попадали в этот список единичные представители крестьянства, генеральские жены и представительницы знати [см.: Деятельность... в 1901/2 году, с. 20, 26–31, 33–34, 45, 98–101].

Развитием опыта чтений стала организация палестинских вечеров, которые предлагали развернутую музыкальную программу, номера художественного слова. Везде, где организовывались такие вечера, они проходили с аншлагом. Для двух городов – Симбирска и Перми – организация палестинских вечеров была связана с деятельностью члена ИППО надворного советника Н. И. Колосова, впервые организовавшего такой вечер в зале Симбирского дворянского собрания 27 марта 1911 г. [АВПРИ, оп. 1, д. 164, л. 53–53 об.]. Традиция проведения палестинских вечеров в Симбирске после его отъезда продолжа-

лась [см.: Отчет о деятельности], а потом сложилась и в Перми, где он стал преподавателем философских наук в духовной семинарии. Доход от палестинского вечера 1914 г. составил 42,6 % всех поступлений в Отдел в 1914/15 г. [ПЕВ, 1915, с. 343–345]. Палестинские вечера проводили и в других отделах ИППО, складывалась даже практика обмена опытом между организаторами концертов.

В этом отношении очень повезло еще двум отделам ИППО – Костромскому и Ярославскому, в которых организацией вечеров занимался В. А. Андроников. Умевший вдохновить и сплотить вокруг себя энтузиастов, он искренне и бескорыстно служил Палестинскому обществу, организовывая концерты в Костроме (1908–1910) и Ярославле (с 1911 г.) [см.: АВПРИ, оп. 7, д. 32, л. 239–243 об., 260; Сообщения, т. 23, с. 99–101, 249–251; т. 24, с. 95–96; т. 25, с. 113].

Деятельность местных отделов Миссионерского общества очень глубоко инкорпорировалась в миссионерскую деятельность епархий: обществу была отведена роль помощника в деле миссии, прежде всего финансового. Местные комитеты учреждали миссии, школы, строили часовни и церкви в приходах с нехристианским населением, содействовали поездкам епархиальных миссионеров в районы кочевий, создавали школы и приюты для детей коренных народов.

Епархиальные братства направляли свои усилия на старообрядцев, стремясь ослабить их влияние на официальное православие и привести их в церковь. Содействие «противораскольнической миссии» со стороны братств выражалось не только в ее финансировании и издании литературы, но и в организации собеседований со старообрядцами, носивших публичный характер. В Пермском комитете к 1896 г. на этом поприще подвизались семь человек: учитель Кизеловского народного училища А. Кычигин, крестьяне И. Симонов и А. Алабушев, мастеровые А. Чазов и И. Бояршинов, учитель Чурсовской школы грамоты Ф. Некрасов и купеческий сын Л. Ершов. Привлечению мирян в качестве миссионеров Братство придавало принципиальное значение. Согласно отчетам миссионеров, подобные мероприятия вызывали широкий интерес как у старообрядцев, так и у православных [ПЕВ, 1896, с. 365, 366, 369]. С 1910 г. в епархии действовала построенная на собранные Братством пожертвования богословско-миссионерская школа имени Иоанна Кронштадтского с трехгодичным курсом обучения, которую могли посещать и духовенство, и миряне [ПЕВ, 1909, № 32, с. 676–682; ПЕВ, 1913, с. 557–571]. Братства занимались также организацией религиозно-нравственных чтений, проводимых членами братства, преподавателями местных школ и священниками в своих приходах. Таким образом, братствам удавалось объединять усилия и мирян, и духовенства в делах миссии и религиозно-нравственного просвещения, хотя главной направляющей силой при этом оставались все-таки епархиальные структуры.

Более активны и свободны в выборе форм своей деятельности были члены церковно-археологических обществ, основное направле-

ние их деятельности было связано с сохранением и изучением церковной старины (в виде книг, нотных текстов, построек, предметов искусства, архивных документов). Результаты творческой деятельности членов этих обществ (исторические описания церквей, монастырей, населенных пунктов, предметов церковной старины, материалы археологических раскопок) и в настоящее время имеют научную ценность. Организованные общества публичные лекции пользовались большим успехом у современников⁵.

Организации приходского уровня, прежде всего церковно-приходские попечительства, могли сами определять актуальность тех или иных форм и адресно аккумулировать средства на самое необходимое: иногда это было строительство или ремонт церкви, иногда – содержание народного училища, где-то – богадельни, чайные и столовые, ночлежные дома, приюты для нищих и сирот, странноприимные дома [см.: Благотворительные учреждения, с. 128–146, 478–483, 507–537, 903–913; ЕЕВ, 1887, с. 441–450; Казакова-Апкаримова, с. 207–239]. Именно эта адресность в наибольшей степени способствовала пробуждению активности их членов и позитивной оценке их общественной значимости.

Непосредственное участие в деятельности религиозной организации делом, а не деньгами предлагали прихожанам и общества ревнителей православия или кружки «ревнителей благочестия и доброй христианской жизни». Особое внимание уделялось привлечению женщин, слабо представленных во всех остальных религиозных организациях. Задач у ревнителей было две: содействие противораскольнической миссии и духовно-нравственное «вразумление» православных прихожан. Первая задача была посильна не всем, предполагалось, что местные священники подготовят мирян-ревнителей для такой проповеди путем катехизаторских бесед и распространения специальных брошюр. Зато вторая стезя была открыта любому и очень органична для женщин [см.: ПЕВ, 1897, с. 329; ПЕВ, 1909, № 16, с. 336–340; ПЕВ, 1911, с. 384–386]. В некоторых приходах удавалось привлечь много активистов. Например, в 1898 г. члены Общества ревнителей при Камбарской единоверческой церкви Пермской епархии, как мужчины, так и женщины, в праздники и воскресные дни собирались в здании чайной и проводили частные беседы с раскольниками. Священник усматривал явные успехи деятельности ревнителей: «Убеждения заблуждающих начали замечательно слабеть: в нынешнюю Св. Четыредесятницу говеющих было более 200 человек, между тем как ранее, лет шесть или семь тому назад, исповедывалось и приобщалось в Великий пост не более 10–15 человек». Священник удовлетворенно отметил, что на богослужениях стали появляться даже те, кто лет тридцать назад обратился в раскол [см.: ПЕВ, 1898, с. 223–224]. Общества ревнителей оказывали материальную помощь бедным, сиротам, престарелым, а также новообращенным в православие. В некоторых приходах создавались особые сестричества – объединения женщин, наблюдавших за порядком и чистотой в храмах, а также обучавших общесемейной молитве по домам.

⁵ См. подробнее, например: [Нечаева, 2008, с. 128–147].

В конце XIX в. стали активно появляться общества трезвости. Во главе их стояли священники, которым приходилось проводить частые беседы на нравственные темы. Общества пытались закрывать пивные лавки, организовывали религиозные чтения с показом «туманных картин», музыкальные вечера, певческие общества, устраивали праздники трезвости, распространяли религиозные и антиалкогольные журналы и брошюры. К религиозным праздникам беднейшим членам обществ выдавалась материальная помощь [см.: ЕЕВ, 1903, № 15, с. 380; ЕЕВ, 1905, с. 289–302; ЕЕВ, 1913, № 48, с. 1155–1156; ЕЕВ, 1913, № 49, с. 1188–1189; ЕЕВ, 1913, № 50, с. 1220–1222].

Обобщая опыт приходских общественных организаций, следует отметить, что в отличие от епархиальных и общероссийских они всегда сочетали религиозную деятельность с социальной, их деятельность была адресной, объединяющей наибольшее число верующих.

Итак, были ли православные общественные организации России конца XIX – начала XX в. подлинно «общественными»? Мы бы определили их скорее как школу гражданственности и общественной инициативы. В каждой из этих организаций были активисты, действовавшие из осознанных и принятых ими общественных целей, были и «сопутствующие», оказавшиеся в рядах организаций из различных соображений – престижа, честолюбия, служебного статуса. Но и один такой активист мог сделать многое – привлечь к целям организации внимание тех, кто оставался вне ее, создать репутацию организации. Политика создания таких обществ как элемента реформирования церкви была вполне разумна и целесообразна, хотя и насаждалась сверху. Значительный спектр религиозных общественных организаций предоставлял поле для деятельности, на котором стала проявляться общественная инициатива. Однако для ее полноценного развития требовался более длительный временной промежуток, чем был отпущен российской историей общественным организациям до революционных потрясений начала XX в.

АВПРИ ИДД МИД России. Ф. 337-2. Оп. 1. Д. 164; Оп. 7. Д. 32, 52.

Благотворительные учреждения Российской империи. Т. 2. СПб., 1900.

Братство св. Стефана, епископа Пермского, по уставу, принятому в общем собрании членов Братства 31-го декабря 1889 года // Пермские епархиальные ведомости. 1890. № 2. Отдел неофиц. С. 45–48.

Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1901/2 году // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. 13. Приложение 1. СПб., 1902.

Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1902/3 году. СПб., 1903. 102 с.

Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб, 1907. 332 с.

ЕЕВ – Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1886. № 39–40. Отдел неофиц.; 1887. № 20–21. Отдел неофиц.; 1896. № 20–21. Отдел офиц.; 1903. № 1–2. Отдел неофиц., № 3. Отдел офиц., № 6. Отдел офиц., № 8–9. Отдел офиц., № 10. Отдел офиц., № 12. Отдел офиц., № 15. Отдел офиц.; 1905. № 13. Отдел офиц.; 1912. № 2. Приложение; 1913. № 48. Отдел неофиц., № 49. Отдел неофиц., № 50. Отдел неофиц.

Казакова-Анкаримова Е. Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург : УрО РАН, 2008. 280 с.

Курляндский И. А. Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов) – председатель Православного Миссионерского общества в Москве (1870–1879 гг.) [Электронный ресурс] // Миссионерское обозрение. 2000. № 3. URL: http://www.seminaria.bel.ru/pages/mo/2000/mo3_sod.htm (дата обращения: 10.08.2014).

Нечаев М. Г. Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905–1916 гг.) // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Пермь, 1997. С. 69–82.

Нечаева М. Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX века. Екатеринбург : Издательство Екатеринбургской епархии, 2008. 194 с.

Нечаева М. Ю. «Желая посвятить себя Святым местам...» // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 12. Екатеринбург, 2011. С. 429–455.

ОЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости. 1903. Отдел офиц. № 16, 17, 18.

Отчет о деятельности Симбирского отдела Императорского Православного Палестинского общества за время с 1 марта 1913 года по 31 декабря того же 1913 года. Симбирск, 1913. 22 с.

Отчет Православного Палестинского общества за 1882–1883 год. СПб., 1883. 124 с.

Отчет Православного Палестинского общества за 1884–1885 год. СПб., 1885.

ПЕВ – Пермские епархиальные ведомости. 1872. № 49. Отдел офиц., № 52. Отдел неофиц.; 1896. № 17. Отдел офиц.; 1897. № 10. Отдел неофиц.; 1898. № 11. Отдел неофиц.; 1902. № 39. Отдел неофиц.; 1903. № 33. Отдел офиц., № 33. Отдел офиц., № 40. Отдел офиц., № 41. Отдел офиц.; 1907. № 10. Отдел неофиц.; 1909. № 16. Отдел неофиц., № 32. Отдел неофиц.; 1911. № 18. Отдел неофиц.; 1915. № 11. Отдел неофиц.

Римский С. В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М. : Грааль, 1999. 568 с.

Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. 13. СПб., 1903; Т. 17. СПб., 1906; Т. 21. СПб., 1910; Т. 23. СПб., 1912; Т. 24. СПб., 1913; Т. 25. СПб., 1914.

УЕВ – Уфимские епархиальные ведомости. 1903. Прибавления к № 12, 13, 14, 15.

AVPRI IDD MID Rossii. F. 337-2. Op. 1. D. 164; Op. 7. D. 32, 52. [Archive of the foreign policy of the Russian Empire of the Historical documentary department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Stock 337-2. List 1. Dossier 164; List 7. Dossier 32, 52].

Blagotvoritel'ny'e uchrezhdeniya Rossijskoj imperii. (1900). (Vol. 2). St. Petersburg.

Братство св. Стефана, епископа Пермского, по уставу, принятому в обшhem собранii членов Братства 31-го декабря 1889 года [St. Stephen Brothers, bishop of Perm, by the rule, accepted at the general meeting of the members of the brotherhood on 31st December, 1889]. (1890). *Permskie eparhial'ny'e vedomosti. Otdel neoficz.*, 2, 45–48.

Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva v 1901/2 godu [Activity of the departments of the Imperial Orthodox Palestinian community in 1901–1902 yrs.]. (1902). In *Soobshheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva. T. 13. Prilozhenie 1.* (Vol. 13). St. Petersburg.

Deyatel'nost' otdelov Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva v 1902/3 godu [Activity of the departments of the Imperial Orthodox Palestinian community in 1902–1903 yrs.]. (1903). St. Petersburg.

Dmitrievskij, A. A. (1907). *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshhestvo i ego deyatelnost' za istekshuyu chetvert' veka (1882–1907)* [The Imperial Orthodox Palestinian community and its activity for the passed quarter of the century (1882–1907)]. St. Petersburg.

Ekaterinburgskie eparhial'ny'e vedomosti [Ekaterinburg eparchial news]. (1886). 39–40. Unofficial section; (1887). 20–21. Official section; (1896). 20–21. Official section; (1903). 1–2. Official section, 3. Official section, 6. Official section, 8–9. Official section, 10. Official section, 12. Official section, 15. Official section; (1905). 13. Official section; (1912). 2. Supplement; (1913). 48. Unofficial section, 49. Unofficial section, 50. Unofficial section.

Kazakova-Apkarimova, E. Yu. (2008). *Formirovanie grazhdanskogo obshhestva: gorodskie soslovny'e korporacii i obshhestvenny'e organizacii na Srednem Urале (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Formation of civil society: town estate corporations and social organizations at the Middle Urals (late 19th – early 20th cc.)]. Ekaterinburg: UrO RAN.

Kurlyandskij, I. A. (2000). Mitropolit Moskovskij i Kolomenskij Innokentij (Veniaminov) – predsedatel' Pravoslavnogo Missionerskogo obshhestva v Moskve (1870–1879 gg.) [Metropolitan of Moscow and Kolomna Innocent (Veniamoniv) – the chairman of the Orthodox Missionary Society in Moscow (1870-1879)]. *Missionerskoe obozrenie*, 3. Retrieved from: http://www.seminaria.bel.ru/pages/mo/2000/mo3_sod.htm.

Nechaev, M. G. (1997). Missionerskaya deyatel'nost' cerkvi na Urале (1905–1916 gg.) [Missionary activity of the church in the Urals (1905–1916 yrs.)]. In *Hristianskoe missionerstvo kak fenomen istorii i kul'tury' (600-letiyu pamyati svyatiatelya Stefana Velikopermskogo): materialy' mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Vol. 1, pp. 69–82). Perm.

Nechaeva, M. Yu. (2008). *Edinenie vo imya Hrista: Pravoslavny'e obshhestvenny'e organizacii Srednego Urала sere diny' XIX – nachala XX veka* [Unity in Jesus' name: Orthodox social organizations in the Middle Urals in the middle of 19th – early 20th century]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ekaterinburgskoj eparhii.

Nechaeva, M. Yu. (2011). “Zhelaya posvyatit' sebya Svyaty'm mestam...” [“Wishing to make a commitment to Holy sites...”]. In *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'*. (Vol. 12, pp. 429–455). Ekaterinburg.

Orenburgskie eparhial'ny'e vedomosti, 16, 17, 18. (1903). [Orenburg eparchial news. Official section].

Otchet o deyatel'nosti Simbirskogo otdela Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva za vremya s 1 marta 1913 goda po 31 dekabrya togo zhe 1913 goda [Report on the activity of the department of the Imperial Orthodox Palestinian community for the period from 1st March, 1913 to 31st December, 1913]. (1913). Simbirsk.

Otchet Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva za 1882–1883 god [Report of the Orthodox Palestinian community for 1882–1883 year]. (1883). St. Petersburg.

Otchet Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva za 1884–1885 god [Report of the Orthodox Palestinian community for 1884–1885 year]. (1885). St. Petersburg.

Permskie eparhial'ny'e vedomosti [Perm eparchial news]. (1872). 49. Official section, 52. Unofficial section; (1896). 17. Official section; (1897). 10. Unofficial section; (1898). 11. Unofficial section; (1902). 39. Unofficial section; (1903). 33. Official section, 39. Official section, 40. Official section, 41. Official section; (1907). 10. Unofficial section; (1909). 16. Unofficial section, 22. Unofficial section, 32. Unofficial section; (1911). 18. Unofficial section; (1913). 22. Unofficial section; (1915). 11. Unofficial section.

Rimskij, S. V. (1999). *Rossiyskaya cerkov' v e'pohu velikih reform (Cerkovny'e reformy' v Rossii 1860–1870-h godov)* [Russian church in the epoch of great reforms (Church reforms in Russia in 1860–1870s yrs.)]. Moscow: Graal'.

Soobshheniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshhestva [News of the Imperial Orthodox Palestinian community]. (1903). Vol. 13. St. Petersburg; (1906). Vol. 17. St. Petersburg; (1910). Vol. 21. St. Petersburg; (1912). Vol. 23. St. Petersburg; (1913). Vol. 24. St. Petersburg; (1914). Vol. 25. St. Petersburg.

Ufimskie eparhial'ny'e vedomosti [Ufa eparchial news]. (1903). Supplement to 12, 13, 14, 15.

The article was submitted on 11.06.2014

Марина Юрьевна Нечаева

д. и. н.

Россия

Институт истории и археологии

УрО РАН

atlasch@narod.ru

Marina Nechaeva, Dr

Russia

Institute of History and

Archaeology,

Ural Branch of the Russian

Academy of Sciences

atlasch@narod.ru